

Горькие травы Чернобыля

Автор:

Евгений Новиков

Горькие травы Чернобыля

Евгений Константинович Новиков

События повести происходят в Припяти через месяц после Чернобыльской катастрофы. В покинутый людьми город приезжает киносъёмочная группа с целью создания документального фильма. Оператор ЦСДФ Константин Новиков, плохо понимая истинное положение дел на зараженных радиацией территориях и, поддавшись на уговоры сына-старшеклассника, берёт хулиганистого Жеку с собой. Группу сопровождает старший лейтенант Климчук, знакомый читателю по повести «Пусть посмотрит в глаза Припять». В мёртвом городе Жеке предстоит встреча и с другими героями этой повести – Стасиком, Богданом и Ромкой. Повесть «Горькие травы Чернобыля» впервые была опубликована в 1997 году и, отчасти, является автобиографичной. Переработана автором к 30-годовщине катастрофы, с учётом технологических реалий современности. На обложке книги размещен фотоколлаж Т. П. Чернокозинского, на котором вы видите подлинные предметы из Припяти 1986 года: камера, которой снимался фильм, часы Жеки, дозиметр, фотографии участников событий.

Евгений Новиков

Горькие травы Чернобыля

Глава первая

Дверцы «Рафика» хлопнули одновременно. Четверо пассажиров и водитель, он же старлей химических войск Володя Климчук, рослый крепыш 25-ти лет от роду, выскочили на дорогу. «До вітру», понимаете ли. Сто тридцать километров от Киева заняли без малого три часа – дорога от Иванкова на Чернобыль была сплошь забита военной техникой. Зато, после поворота на Припять, встречных машин почти не было.

На выезде из Чернобыля нас затормозил сержант химвойск в респираторе «свиное рыло» и «обнюхал» наш зеленый «РАФ-2203» датчиком радиометра.

– Грязновато, товарищи, – три рентгена, – меланхолично заметил сержант. – После Припяти машине..., – он сделал неопределенный жест рукой.

Тут глаза солдата встретились с моими. Он недоумённо заморгал белесыми ресницами и едва собрался выразить безмерное своё удивление всеми доступными словами русского языка, как Володя наполовину высунулся из окна и строго посмотрел на сержанта. Тот, увидев погоны старшего лейтенанта, торопливо, хоть и не очень почтительно, козырнул и, махнув рукой в сторону трассы, проворно забрался в люк бэтээра.

Володя насмешливо оглянулся на меня:

– Это последний КПП, больше не будет. Повезло тебе, Жека...Или, наоборот – не повезло.

– Не пугай! – вдруг сердито сказал отец. – Поездим часок, поснимаем – и в Киев, отмываться.

Климчук ухмыльнулся и промолчал. Я зажал коленями старенький «ФЭД». Какой-никакой металл. А вот сидеть на свинцовом листе было неудобно и горячо. Но дорога местами сильно фонила.

С Володей мы как-то быстро сдружились еще в Киеве, когда размещались в гостинице «Энергетик» после прибытия из Жулян. То ли небольшая разница в возрасте тому причиной, то ли мой интерес к его необычной работе? Водителем он оказался постольку – поскольку, главными его задачами были заборы воздуха в футбольные камеры и поиск мест с максимальной «грязью». Здесь так называли радиацию.

В общем, из Киева до Припяти мы доехали почти без приключений. Лишь на КПП «Дитятки» гаишник строго смотрел в пропуска и завёл утомительную дискуссию на тему: «Куда вы тащите пацана?» Гаишник сдался лишь после обещания оператора показать его по республиканскому телевидению. Кстати, из всех пятерых только сам Володя и Николай Григорьевич Лельченко – инженер стройконторы ЧАЭС – были «матёрыми волками». Я, отец и оператор украинского телевидения Георгий Шебаршин ехали в «зону» впервые.

Вчерашним вечером в гостинице было всё обговорено, любопытство и страхи перед радиацией частично удовлетворены вынесенным вердиктом «а, ерунда всё это», все котлеты в буфете съедены и все бутылки «Каберне» выпиты. Для «дезактивации». Но это, в основном, было на совести Лельченко. Хотя мне достался почти стакан. С легкой руки учёных и лжеучёных всем мужикам Киева открылась сказочная оказия, употреблять все виды алкоголя для дезактивации организма. Запасами этанола всех видов и концентраций были заполнены магазины. И это во время «сухого закона» Горбачева! Впрочем, даже дефицитный алкоголь никак не повлиял на массовый исход киевлян из их древней столицы. Лельченко полушепотом рассказывал о том, что творилось в Киеве после 1 мая. Люди штурмом брали поезда, выбирались на попутках и даже на велосипедах. Больше половины населения Киева попросту сбежало. Никто не верил сказкам властей о «радиационном фоне в пределах нормы», зато сами радионуклиды саднили горло, а раздача школьникам таблеток йодистого калия пугала больше, чем все слухи вместе взятые.

На въезде в город памятный знак «Припять.1970» был безупречно белоснежен. Куст сирени по соседству с ним выглядел как-то квёло, как-то не по настоящему, словно природа пожалела ядерной весной красок для обречённой на гибель зелени. Да и сама зелень была совсем не зелёной. Вот совсем-совсем. Почти черные листья тополей скрутились и застыли в неподвижном воздухе. А еще он был беззвучным. Глухим. Молчали птицы. Собственно их не было вовсе. Какая-то звенящая тишина и что-то еще, совсем незнакомое, пугающее в ней. Я уже знал, что именно. От этого незнакомца саднило и першило горло, наливалась свинцом голова, возбужденно дрожали нервы и металл кислил на языке, как батарейка Гальвани.

– Она мёртвая, Жека, – негромко сказал мне кто-то в левое ухо. Я подпрыгнул и на мгновение прервал процесс опорожнения организма от избытка воды. Оглянулся через плечо.

За спиной стоял Володя Климчук и медленно водил датчиком по пыльному грунту.

- Кто? – так же тихо и невнятно спросил я через респиратор.

- Как кто? Сирень мёртвая. Земля мёртвая. Припять мёртвая.

- Климчук с каким-то насморочным всхлипом втянул воздух. Свой лепесток он снял.

- Делай свое дело. Стесняться тут некого. И быстро в «РАФ»!

Я вдруг понял, что стесняться и впрямь было некого. Из-за дорожного знака на меня смотрел красивый город с белоснежными домами, лесами антенн на крышах, широким мостом, который вроде бы приветливо светился белым пламенем на солнце. словно бы мёртвый город приглашал – «Приходи! Погуляй по моим скверам, пока они не стали рыжими, поднимись ввысь на колесе обозрения! Искупайся в пруду-охладителе! И я убью тебя, мальчик! Я убью тебя за то, что твои глупые взрослые соплеменники убили меня. И реку! И рыбу! И птицу! Заходи, не бойся!»

Странная дрожь пробежала по телу. Я оглянулся на Климчука:

- Сколько светит?

- Почти пятьдесят рад почва, – равнодушно сказал он. – На мосту будет много больше – там прошло облако взрыва. В городе много меньше. Там безопасней. Бегом к машине, шпингалет!

Мужики тоже закончили свои дела и уже рассаживались в «РАФе». Вдруг что-то зашуршало за спиной. Громко, сухо и противно. словно стая гадюк в траве. Я оглянулся. С кустов медленно, одновременно, словно по команде, падали цветки и листья мертвой сирени.

Мы с Володей переглянулись и бросились к машине...

Глава вторая

– Чего она сыпется-то? – на бегу спросил я.

– Шума от тебя много, коленки дрожат, вот и сыпется! – с иронией ответил Климчук.

Коленки не коленки, а сердце ушло в пятки. Я с разбегу впрыгнул на свинцовую пластину сиденья и с треском захлопнул дверь. Было задремавший Лельченко, сердито посмотрел на меня, приоткрыв левый глаз, но ничего не сказал. Сегодня, в отличие от вчерашнего вечера, Лельченко был сильно не в духе. Не иначе переборщил с дозой «дезактивации» и страдал похмельем. Он то и дело тянулся к термосу и пил воду прямо из колбы. Хорошая штука – термос. Держит воду холодной и не пускает внутрь вездесущие гамма-лучи.

– Значит так, – веско сказал Володя, снимая полиэтиленовую головку с датчика радиометра, меняя её на новую, чтобы датчик не накапливал «грязь».

– Повторяю в сто первый раз – города бояться не надо. В первые дни там был ад, а теперь, скорее, чистилище. Дороги неплохо отмыли. Воздух более-менее чист. Если ветра нет, респираторы можно будет снять. Но! Сильно фонит пыль и почва, а также всё, абсолютно всё, что находится на улицах. Кому опять понадобится по нужде – прямо на асфальт, или в любой подъезд.

Климчук, прищурившись, посмотрел на меня и с нажимом в голосе продолжил:

– В палисадники не заходить, в траву не лезть, ногами по пыли не топтать, с земли ничего не поднимать и «сувениров» из города не брать. За непослушание – расстрел.

Все рассмеялись. Я насупился: кажется, меня все считали малолетним дурачком.

– Скажи лучше, чего намерил-то? – спросил Шебаршин, самый молчаливый из всей компании.

- Грунт 50 рентген, асфальт примерно 20, - лениво сказал Володя. А вот воздух - сто.

Кажется, машину слегка тряхнуло, потому что все вздрогнули одновременно и квадратными глазами уставились на Климчука.

- Сто миллирентген в час, - садистским тоном объявил Климчук, - в городе между домами, думаю, будет меньше.

Все опять рассмеялись. Отец зачем-то открыл кофр кинокамеры, щелкнул замком:

- Может уже закроем лекцию и поедем?

- Куда изволите? - шмыгнул носом Климчук. - Направо дорога на станцию, налево, через путепровод, - Припять.

- В город, - решил отец. - Немного поснимаем, там посмотрим.

Никто не возражал. Стартёр молодецки взвизгнул и двигатель запустился молниеносно.

- Движок - зверь, - гордо сказал Климчук, - ребята в Киеве перебирали. И машинку хорошо почистили от «грязи».

- Хорошо, хорошо, а три рентгена вынь да положи, - сердито сказал Лельченко.

- Так это сегодня на трассе насобирали, пылюки-то сколько,

- обиделся Володя.

«Рафик» тронулся и стал быстро набирать скорость. Асфальт был добротный, советский, ни ямок тебе, ни трещин.

Через пару минут мой взгляд уперся в красивую вывеску с правой стороны шоссе: «Чернобыльская АЭС им. Ленина». Вдали, наверное, километрах в трех, среди крон деревьев, был хорошо различим знакомый по репортажам программы «Время» ослепительно-белый комплекс атомной станции. Его окружали ажурные мачты распределительных ЛЭП, по которым давно не бежал ток. А вот и он – пресловутый библейский зверь двадцатого столетия – разрушенный реактор четвертого энергоблока. Вентиляционная труба и, рядом, безобразная чернота конструкций снесенного взрывом машзала, скрывающая жерло реактора.

«Рафик» слегка сбросил скорость. Негромким, таким родным для уха звуком жужжала 16-миллиметровая кинокамера отца. Телекамера Шебаршина работала бесшумно. Все как-то виновато молчали.

Вдруг микроавтобус резко свернул влево и, исполинское атомное чудовище, порождение гения и безумства человека, исчезло из вида. Замолчала и камера.

– В Припять, так в Припять, – невнятно пробурчал Климчук, вновь набирая скорость. Стрелка спидометра подползала к сотне и останавливаться на достигнутом явно не собиралась. «Рафик», как пришпоренный, влетел на мост.

– Давай, гони, гони, родной, – тихо сказал Лельченко, – поганое место, ребятки.

– Здесь облако взрыва прошло, вы рассказывали, – я приподнял респиратор. – Вова, можешь померить – сколько здесь?

– Щас, вот отпущу баранку, остановлюсь и буду мерить,

– взорвался Климчук, – Вон у тебя свой ДКП, меряй, измеритель ты хренов!

Я вытащил из кармана свой ДКП-50, дозиметр в виде авторучки. Утром такой получил каждый, уже заряженный.

В окошке дозиметра тонкая константановая нить невозмутимо держалась на нуле. Я задышал ровнее. Тем временем «РАФ» благополучно миновал путепровод.

– А правда, сколько на мосту светит? – заинтересовался Шебаршин.

– Много, – глухо сказал Лельченко, потирая пальцами виски.

– В первые дни шкалило за тыщу. Но мост регулярно моют, теперь гораздо меньше.

Николай Григорьевич потянулся к термосу и вновь монотонно и мрачно заговорил:

– Здесь в первый день трое пацанят погибли. Ну, школьники. Выехали на велосипедах на мост – смотреть, как четвертый блок полыхает. А ночью над мостом прошла труха реакторная, мать его! Светило страшно. Да и сам реактор стрелял, как из пушки, нейтронами, гамма-лучами и черт знает, чем еще... Вот пацаны стояли и смотрели, пока им плохо не стало. Так на асфальт и попадали. Привезли их в санчасть – каждый по 500 рад схватил. Ничего сделать не смогли. Черные стали, как угли. Ядерный загар значит.

– Что дальше было? – спросил я.

– А ничего не было. В цинковых гробах закопали, – Лельченко отвернулся.

Я похолодел и вновь натянул респиратор. Шебаршин и отец подавлено молчали.

Лишь на Климчука рассказ Лельченко не произвел никакого впечатления, он уже и наслушался, и насмотрелся всякого. Наоборот, Володя весьма жизнерадостно хохотнул – в зеркале от него не укрылся тот факт, что я вновь положил выше колен свой верный «ФЭД», четвертую модель, мечту юного фотографа.

В следующее мгновение микроавтобус остановился.

– С приездом нас, – торжественно объявил Володя, – Припятъ. Проспект Ленина. Перекур?!

«Было бы неплохо». Мысль мелькнула в голове и с сожалением распрощалась. Сигареты «Золотой пляж» и коробок гомельдревовских спичек были изъяты батькой еще в аэропорту Симферополя. В качестве компенсации был выдан

щелчок в лоб.

Впрочем, Климчук закуривать и не собирался. Первым делом он приспустил стекло и вытащил «за борт» датчик радиометра. Водил по воздуху, глядел на стрелку, пересчитывал чего-то в чего-то и, наконец, объявил:

– От 40 до 60 миллирентген воздух. Выходим, купаемся, загораем! Одно из самых чистых мест в городе. Я его еще на прошлой неделе заметил. Пока ветер не с площадки, хрюкальники всем можно снять!

Обстановка сразу разрядилась. Все вышли из салона размять ноги. Володя кинулся к «Рафику» и, сунув руку в бардачок, извлёк на свет божий круглую металлическую коробку. Внутри оказалась мятая пачка сигарет «Прилуки». Климчук закурил, а я сглотнул слюну. Просить сигарету при отце было нереально.

Кроме Володи, курящим оказался еще и Лельченко. На правах старшего он вытянул сигарету из пачки без спросу.

– А зачем коробка? – заинтересовался я. – Чтобы лучи не проникли?

– Именно. Как это ты только догадался? – съехидничал Климчук.

– Табак, он, брат, абсорбирует из воздуха всю «грязь». Вон точно, как твои патлы под беретом. Потом придется башку мыть и стричь «под канадку». Как минимум.

– Не буду, – мрачно буркнул я, – под беретом же...

Отец и Шебаршин препирательств не слушали. Схватив камеры, они понеслись через площадь к ближайшему скверу, над которым возвышалось колесо обозрения.

– На дозиметры всё же поглядывайте, – прокричал им вслед Лельченко.

Кстати, дельная мысль. Я достал из кармана свой ДКП. Посмотрел на волосок...

Что-то как-то тоскливо задвигалось в желудке. Увидев мой застывший взгляд, Климчук перестал балагурить. Подошел ко мне. Я молча протянул ему дозиметр.

Нитка показывала два рентгена.

Глава третья

Несколько секунд Климчук смотрел в окуляр дозиметра. Задумчиво тёр подбородок.

– Два рентгена, два рентгена, откуда им взяться, им взяться откуда?

Он несколько раз повторил эту фразу. Потом направился к машине и в очередной раз полез в свой бездонный бардачок. Что-то лязгнуло и щелкнуло. Потом Володя положил мой дозиметр себе в карман. Потянулся за коробкой радиометра с датчиком и потащил его ко мне:

– Ну, давай понюхаем профессиональным прибором.

Я стоял в позе истукана, слушая звон в ушах и частое биение сердца. Слегка щипало глаза, смотревшие вдоль улицы на роскошное здание горкома партии, немного першило горло. Иные признаки радиации не ощущались.

Датчик радиометра уткнулся в щитовидку. Щитовидка испугалась и хотела спрятаться где-то в горле, но датчик упорно нащупал её и прижал чуть не к подбородку.

– Ооо, – радостно сообщил Володя, – практически ноль. Железа сытая, недаром тебе скормили мешок таблеток йодистого калия. Так что теперь наш фирменный черныбыльский йод-131 ей кажется невкусным!

Датчик, тем временем, жил какой-то своей жизнью – он прополз по синему х/б комбинезону и, ничем не заинтересовавшись, упёрся в пупок. Мгновение подумал, вознамерился было прокатиться вдоль молнии брюк, но деликатно отпрыгнул в сторону.

– Здесь ничего измерять не будем, какой смысл? – задумчиво и

как-то иронично сообщил датчик Володиным голосом.

– Подними-ка лучше копыто, – скомандовал датчик, – правое.

«Копыто» удивилось, но послушно приподнялось над асфальтом и слегка помахало в воздухе кедом.

– Вооо, вот она где, – радостно заорал датчик, – 150 миллирентген. Понятненько. Нужно будет мыть на КПП.

С чувством хорошо выполненной работы датчик прислонился к Володиной руке и замолчал, передав голос его законному владельцу.

– Забери свой дурацкий дозиметр, – ворчливо сказал Климчук, – ерунда, а не техника.

Загадочным образом нитка в окуляре опять заснула в обнимку с нолем. Я подозрительно посмотрел на Климчука. Как-то досадно стало. Были рентгены, и нет. Я уже как-то к ним стал привыкать, можно сказать, даже привязался. Как ни крути, свои рентгены, собственные, родные.

– А зачем они тебе? – словно угадав мои мысли, изрёк Володя.

– Думал, тебе за них Михал Сергеич медаль в Кремле даст?

– Орден, – буркнул я. – Где рентгены-то?

– А их и не было! Скажем так, почти не было. Сколько мы в пути были? Вот конденсатор и подразрядился. Я подзарядил.

– Честно? – я всё еще подозрительно смотрел на Климчука.

– Честное чернобыльское! А вот у твоих киношников сейчас бэр 10 напоказывает, причём, абсолютно честных.

– А где они?

Климчук обеими руками развернул мою голову влево.

– Смотри на крышу гостиницы.

Да, действительно – две черные фигурки то плавно двигались, то замирали на крыше шестиэтажной высотки.

– Хорошие должны быть кадры, с их телевиками станцию крупно показать можно, – с видом профессионала сказал я.

– Кадры не знаю, а рентгены будут и хорошие, и крупные, – упрямо сказал Володя. – Минут через 15-20 им надо сматывать удочки. Время – бэры! Перекур пока.

Я решился попросить сигарету. Без всякого удивления Климчук молча направился к «Рафику», секунду глядел на спящего Лельченко, звякнул коробкой, долго шелестел пачкой, что-то сунул в карман и вернулся ко мне.

– Держи!

Я протянул руку. Володя медленно достал из кармана свой не слабых габаритов кулак, сложенный фигой.

– Дурак! – зло выкрикнул я и отвернулся.

За спиной Климчук довольно гыгыкал. Видимо, глупый розыгрыш доставил Володе большое удовольствие.

Я молча разглядывал проспект. Посредине бульвар с рослыми, стройными тополями, застывшими в безветренной полуденной жаре. Листья, кажется еще живые, но потемневшие. Синие свежеокрашенные скамейки. Вдали сквер с высоченным желтым колесом обозрения. Ярко-белые, словно вчера покрашенные

дома, ярко-красный лозунг на пятиэтажке «Мир! Труд! Май!»... Быть может жива еще Припять? Дома ждут хозяев. Они ведь вернуться когда-нибудь, справят первомай? Скоро ведь заткнут реактору его синюю, светящуюся ураном радиоактивную пасть, забетонируют площадку станции, наверное, включат уцелевшие три энергоблока, достроят пятый...

– Поговори со мной, Припять, – прошептал я, – не сердись, я здесь случайно и совсем не причем. Не я строил этот проклятый реактор, не я неправильно им управлял...

«Врешь...» Змеиный, едва осязаемый шепот в ушах заставил меня вздрогнуть.

«Врёшь...Вы все врёте, люди. Вы строите нас возле атомных станций. Вы добываете там вовсе не свет. Вы растите в реакторах тьму – оружейный плутоний. Я же город-атомщик. Я всё знаю. Вы хотите взорвать мир. Но однажды мир взорвёт вас. Иди прочь, мальчик! Или тьма заберёт тебя!»

Я сильно потрянул головой. Так сильно, что белый хлопчатобумажный берет упал на горячую пыль дорожки. Шепот смолк.

Забыв недавнюю обиду, я испуганно оглянулся на Климчука.

– Привидение увидел? – серьёзно спросил он. – Их здесь много, их здесь целый город.

Он быстрым шагом направился к упавшему берету, подцепил его датчиком, сверлил взглядом стрелку. Задирает взгляд к небу, что-то подсчитывая в уме.

– Ндаа! – каркнул Володя на весь город. – Такой берет сделает твои медные волосы белыми. А может зелеными, не знаю. Но скорее это...будешь лысым, как Горбачёв. Теперь бы этим беретом ему пятно на лбу потереть – вмиг сойдет. И вашей «Правде» не придется его ретушировать...

Не, вот ты мне скажи – зачем парню такие роскошные медные патлы, а?

– Чтобы ты спросил! – я опять начинал злиться. – Сколько светит кепочка?

- Положим не кепочка, а берет. Противорадиационный между прочим. Без малого 10 рад. А вот если бы он был не х/б, а шерстяной, то при нём можно было бы газету «Правда» читать в полной темноте. Ха-ха!

- Чего орете?

Сонный Лельченко вылез из микроавтобуса, довольно потягиваясь. Должно быть вчерашняя «дезактивация» полностью выветрилась.

- Да вот тут один охотник за рентгенами берет уронил! И как назло в самую пылюку.

Так что теперь нужен новый берет или парикмахер, - сообщил Климчук.

Шутки Володи меня начинали доставать. Николай Григорьевич юмор старлея тоже, кажется, не разделял. Лельченко задумчиво переводил взгляд с меня на Володю.

- Вот что, хлопче, - как всегда монотонно и размеренно заговорил Лельченко, - мне моей почти лысине беретка без надобности. Я своих рентгенов уже нахватал. Надевай.

Он протянул мне берет. Я пристыжено молчал.

- Бери, бери! Только батьке не докладывай.

- Спасибо, Николай Григорьевич!

Берет Лельченко пришелся мне по самые уши.

- А, кстати, где корреспонденты-то наши?..

Володя посмотрел на часы:

- Черт Иванович, 40 минут уже лезят, а время...

Он не договорил. Топот тяжелых ботинок по асфальту был слышен издалека.

– О, бегут, бегут, бегут! – оживился Климчук. – Не иначе дозиметры в зашкал ушли.

Действительно из сквера выскочили запыхавшиеся, красные отец и Шебаршин.

Шебаршину было тяжелей – телекамера 80-х вещь нелёгкая.

Сбавили шаг. Подошли. Отдышались молча.

– Вообще-то, – сказал Лельченко, – бегать здесь не надо. Не стадион. Быстрее бежишь – глубже дышишь. Больше «грязи» в легкие собираешь.

– Ну и жарит там, наверху, – наконец отдышавшись сказал отец, – зато станцию сняли крупно, как на ладони. Видно, как реактор маревом дышит. И белый дым поднимается.

– А у меня экран в камере черно-белый, так видно, как над реактором белые точки пляшут, – сообщил Шебаршин, – радиация или что?

– Так радиация и есть, – не удивился Лельченко, – а белый дым, это борная кислота парит. Реактор закидали вертолетчики тоннами борной кислоты. Чтобы, значит, цепную реакцию погасить. И при «бомбометаниях» зацепили крышку биозащиты реактора. Она же первые дни от взрыва «на попа» встала, так реактор и плевался в воздух всякой дрянью. А теперь меньше, гораздо меньше. Но всё равно, гад, постреливает иногда.

– Ой, ну какая цепная реакция? – озлился Володя. – Академики говорили, что тысячу тонн уран-графитовых сборок из реактора выбросило в воздух и раскидало вокруг до около. 80 Хиросим у нас тут теперь. Какая может быть реакция. Дозиметры лучше давайте!

Громкая сухая автоматная очередь раздалась совсем близко. Буквально за соседними домами. И еще одна! И еще...

Все подпрыгнули и замерли в недоумении и страхе. В руках у Климчука блеснул сталью неведь откуда извлеченный им пистолет ТТ.

- Вот вам, девочки, и цыплята табака, - медленно оглядываясь по сторонам, пробормотал Климчук...

Глава четвертая

- Что происходит?! - выкрикнул Шебаршин.

- Не знаю, - отчеканил Климчук, крутя головой и внимательно прислушиваясь к чему-то, - может быть патруль.

- А стреляют в кого? - поинтересовался я.

- Да уж не в тебя, - буркнул Володя. - Все в машину!

Уговаривать никого не пришлось. Дверцы хлопнули и Володя завел двигатель, но с места трогаться не спешил.

Из-за угла пятиэтажки выехал серо-зеленый бэтээр. Как-то не спеша продвинулся метров 30 по улице. Остановился в раздумье. Вдруг резко развернулся и поехал прямо на нас.

- Точно, патруль, - сообщил Климчук и выключил двигатель.

- Пока не скажут, никому не выходить.

Торопливо полез из машины и медленно пошел навстречу бэтээру.

Тот немедленно остановился. Лязгнули люки, и из них выбрались два сержанта в форме внутренних войск, придерживая у груди автоматы. Следом показался довольно молодежавый человек в синем парадном мундире генерала ВВС. Это уж

совсем было странно.

Генерал первым молодецки спрыгнул на асфальт. Климчук резво подбежал к генералу, отдал честь и замялся, спохватившись, что на голове, вместо фуражки, идиотский хлопчатобумажный берет. Генерал бесцеремонно и раздраженно дважды махнул рукой, что-то сказал, и оба двинулись к нашему «Рафику». Почему-то все решили, что команда Климчука не выходит уже отменена и полезли наружу.

- Генерал-майор авиации Антошкин, - лихо отчеканил генерал,

- кто такие?

Церемониал представления и предъявления пропусков длился довольно долго. Генерал внимательно вглядывался в каждую бумажку и подозрительно косился на Шебаршина, который нервно шарил по карманам в поисках документов. Нашел, наконец, целую пачку бумажек и протянул Антошкину. Автоматчики сидели на бэтэере и никакого интереса к происходящему не проявляли. Хотя, собственно, это они обязаны изучать пропуска.

Видимо генерал-майор Антошкин был человеком либеральным и не гонял в три шеи чужих солдат.

Сам Антошкин тем временем с интересом разглядывал камеру Шебаршина, который водрузил её на плечо, видимо, для большей солидности.

- Телевидение УССР, оператор Шебаршин Георгий Константинович, - гордо представился Шебаршин.

- Как Жуков, - Антошкин добродушно усмехнулся. - А вот это тоже телевидение?

Генеральский указательный палец бесцеремонно ткнул в пятак моего респиратора.

- Нет, что вы, это респиратор, - нахально объяснил я.

Улыбка исчезла с генеральской физиономии.

– А классный у вас самолет, товарищ генерал, – я махнул в сторону бэтээра.

Бледное лицо генерала покраснело. Он явно закипал.

«Квиты! – радостно подумал я. – Не фиг радиоактивными пальцами в рожу тыкать!»

– Это мой борзый сынуля, Николай Тимофеевич, – вдруг объявил отец.

Антошкин несколько секунд всматривался в его лицо, потом хлопнул себя по бедру и, улыбаясь, протянул руку:

– Рад встрече, Константин Николаевич! Прекрасный очерк написали, спасибо!

– А вот его, – сердитый кивок в мою сторону, – надо было дома оставить! Нахватается рентгенов, что потом?

– Да мы здесь только около часа, Николай Тимофеевич, – сказал отец, – а на площадку вообще не ездили. Я понимаю. А что это вы с патрулём разъезжаете? Не уехали в Киев? Судя по вашему лицу, рентгенов вы нахватались сверх всякой меры!

Антошкин как-то осунулся, задумчиво посмотрел по сторонам.

– Да, еще в первые деньки под сотню набрал. Собственно я уже лечился в Киеве. Почистили немного. А вернуться попросил командующий округом с подачи Силаева. Вот, дескать, генерал тут здорово порядка наводил, так нехай еще попрацует. Э-э прогуляемся немного, Николай Константинович, подышим черныбыльским воздухом?

Отец улыбнулся – с именами-отчествами у генерала были явные нелады – и молча кивнул.

Они отошли от машины.

– А кто стрелял-то? – крикнул я вслед, – от рентгенов отстреливались?!

Генерал оглянулся.

– Да уж господина Рентгена я бы с удовольствием расстрелял! Вместе с госпожой Кюри...

– Счет два-один! – резюмировал Климчук, подмигнув мне. – В твою пользу.

Все рассмеялись и вновь полезли в «Рафик».

– Я много слышал про Антошкина, – стал рассказывать Лельченко своим громовым прокуренным голосом, – он здесь буквально с первого дня взял ситуацию под контроль, пока высокое начальство в ступоре было.

– Сам носился по четвёртому блоку, пригнал вертолетчиков своих, нашел песок, мешки. Сам поднимался в воздух, показывал, как заходить с высоты на реактор. Облучился, конечно, страшно.

Лельченко вдруг рассмеялся:

– И наше местное начальство облучил. Вертолетную площадку сделал прямо рядом с горкомом партии. Ну и вертолеты им там все кабинеты радиоактивной пылью забили. Это уж потом догадались штаб в Чернобыль перевести.

– Григорьевич, да погоди ты! – воскликнул Климчук. – Дай послушать, чего там генерал рассказывает.

Несмотря на то, что Антошкин говорил вполголоса, в пустой абсолютной тишине улицы речь была слышна чётко.

– В общем обстановка тяжелая, – говорил генерал, – один экипаж потерян – зацепили лопастями вентиляционную трубу блока и рухнули вниз. Хоть не прямо в реактор, а то пришлось бы бежать отсюда, куда глаза глядят. На высоте сто метров над блоком светило за тысячу рентген, а когда мешки сбрасываешь – вообще страшно что. А ведь каждому экипажу приходилось делать не один заход. Люди быстро выходили из строя. Но, должен сказать, что новых жертв

нет. Догадались кабины изнутри свинцом обкладывать. Теперь все мои ребята в Москве, в шестой клинике, там сделают всё, что возможно и невозможно.

Антошкин замолчал, опустил голову, его лицо опять стало бледным, осунувшимся.

– Я вам прямо скажу...Конечно, этого не дадут написать. Хотя, давайте посмотрим, какая у нас перестройка и гласность. В общем, бардак у них здесь. Бардак и безответственность. Правительственная комиссия Щербины только командовать умеет. Ой, да и командовать они тоже не умеют. В первый день на всей станции, во всём городе не было ни одного дозиметра, ни одного радиометра. Носом радиацию мерили. Пожарников всех, до одного, погубили. Бросили их на четвёртый блок пожар тушить. Ума-то нет, что никакой водой ядерный огонь не погасишь... И вот они лили воду прямо в реактор! А пар радиоактивный поднимался в высоту, и разносило его по всей Европе нахрен!

Генерал распалился, лицо вновь стало красным.

– А население? Два дня людей в известность не ставили! О таблетках йодных никто и не подумал. Переоблучили щитовидки всем. Детям, в том числе... Эвакуировали мы гражданского населения около 140 тысяч. Что с ними будет, это же... Даже никто не мерил, сколько они грязи собрали. А повезли их куда? Кого-то в Киев, а там тоже фон. Тысяча сто автобусов пришло из Припяти. Раскатывали по столичным улицам, грязь разносили.

Отец молча слушал. Антошкин перевел дух и продолжил:

– А на площадке что творится? Погнали людей собирать куски топлива. Вокруг станции повреждённые ТВЭЛы разбросало, так их поднимали с земли руками в перчатках и бросали в вёдра. Ядерное топливо собирать руками, вы понимаете? Загубили заживо! Купили за валюту в Японии роботов, чтобы собирать уран и графит. Так они не выдерживали таких доз радиации, электроника сгорала. Ну вот, значит, бросили солдат на крышу реактора, топливо собирать... Они ж не роботы, им же можно. Какое потомство у них будет?

Голос генерала дрожал.

– Но, в общем, сейчас Щербину сменил Силаев. Дело на лад пошло. Площадку бетоном залили, почистили. Реактору пасть бором закидали. Скоро начнут захоранивать, саркофаг такой строить. Хотите посмотреть? Бэтээр у нас внутри чистый, свинцом оббит...

Мы не расслышали, что сказал отец. Генерал оживился:

– Но только лично вы, а своих отправляйте на выезд, на КПП «Дитятки». Там все условия – отмоют и машину, и людей. Одежду новую выдадут. Эту придется выбросить.

– Э-э, народ! – заорал вдруг Шебаршин. – Телевидение возьмите!

Он схватил камеру и бросился к бэтээру. За ним выскочил Лельченко. За ним я.

– Товарищ Антошкин, – крикнул Лельченко, мне в контору надо!

– А мне реактор сфотографировать надо! – выпалил я.

Николай Тимофеевич топнул ногой:

– Это реактор тебя сфотографирует, а не ты его!

– Счет два-два, объявил Климчук.

Все рассмеялись, включая генерала. Антошкин почесал переносицу.

– И потом у меня бэтээр, а не плацкартный вагон и не детский сад.

– Два три в пользу вооруженных сил, – противным голосом сказал Володя и скорчил мне рожу.

– Беру только двоих, – резюмировал Антошкин, оборачиваясь к отцу, – вас и телевизионщика. Прошу занять места. Потом найду вам транспорт до Дитятки

Отец и Шебаршин полезли на бэтээр.

– Всем всё ясно и понятно? – крикнул отец. – Встречаемся на КПП. Контрольное время пятнадцать ноль-ноль.

– Минутку, – Антошкин о чём-то раздумывал, – товарищ старший лейтенант, у вас рация в машине есть?

– Есть, товарищ генерал-майор! Четвертый канал, позывной «Волга».

– Понял. Мой позывной «Каштан». Если будут коррективы, выходите на связь.

Люк за генералом захлопнулся, и бэтээр резко сорвался с места.

Я мрачно пил ледяную воду из термоса.

– Всё-таки интересно, кто там в кого шмалил из автомата? – Я взглянул на Володю.

– Так это не проблема узнать, – пакостным голосом заговорил Климчук, – беги вслед за генералом. Как раз у реактора догонишь, спросишь. Заодно и сфотографируешься. С реактором. Ты его, а он тебя! Только потом не удивляйся, если твой мелкий дружок не будет...

Всё-таки я всегда гордился скоростью своей реакции. Издевательскую речь Климчук закончить не успел. Всё содержимое термоса – вода со льдом – мгновенно вылилось Володе на спину.

Климчук хлопал себя по спине и орал весьма интересные и забористые ругательства:

– Ах, ты ж ёкарный бабай! Ох, ты ж японский карась! Мля ж ты ж мелкая, ёрш тебе в глотку!

Я сиял и светился от счастья, как вышеупомянутый чернобыльский реактор.

– Ребятки, я никак не пойму, кому из вас двоих пятнадцать лет? Обоим? – удивленно сказал Лельченко с заднего сиденья.

- Это мне пятнадцать, - сообщил я, - а ему пять!

- Так, прекращайте это кино, есть у меня одна шикарная идея, - заговорщически зашептал Лельченко...

- Сейчас, Григорьевич, один момент, - злой и мокрый Климчук перебил Лельченко, - дайте мне только ваш термос, очень пить хочется.

Я успел выскочить из машины. Володя разочарованно и шумно вздохнул...

Глава пятая

Я направился в сторону ближайшего дома.

- Куда попёр?- заорал Климчук, выскакивая из машины.

- До ветра, куда, куда, - пробормотал я.

- На асфальт бы мог, какая цаца, - проворчал Климчук, - чего подъезды поганить?

Я не ответил. Володя как-то по-гусиному пошипел и вновь спрятался в салон.

Кроме путешествия «до ветра» у меня была еще одна, можно сказать, стратегическая цель.

Желание её достичь усиливалось с каждым часом. И присутствие свидетелей не входило в мои планы.

Не знаю, о чём вы подумали, но у меня в кармане лежала заветная железная коробка Володи с сигаретами и бензиновой зажигалкой. Ну, что делать, если не дают по-хорошему? Ловкость рук, так сказать. Одна рука, значит, воду за шиворот выливает, другая - сигареты тырит. На что, иначе, умному человеку две

руки?!

Я поднялся на крыльцо. Дверь была плотно закрыта. Вам знакомо чувство на уроке, когда учитель долго шарит взглядом по журналу, выбирая жертву, которая должна отправиться к доске? Вот я всегда знал, секунд за несколько до того, как назовут мою фамилию. Интуицией такая штука называется.

Я ухватил ручку двери. Интуиция заскулила, перебралась из груди в желудок и быстренько спустилась в пятки.

«Дёру делать надо, тикать отсюда надо», – завывала она, пытаюсь развернуть мои кеды в противоположную сторону.

Но мне всегда было трудно договориться с самим собой. Дверь я

всё-таки открыл. Не без труда – дверь была захлопнута, уж очень плотно – но всё-таки открыл.

Вот зачем я это сделал? Хоть кто-нибудь знает, зачем? Не мог зайти в другой подъезд?

Огромный черный дог лежал у самой двери, вытянув лапы. Жуткая пасть собаки ощерилась, провалившиеся глазницы уставились прямо на меня. Дог вроде бы слегка шевелился и странно попискивал. В нос ударил тяжелый запах.

– А-а-ай! – заорал я изо всех ног бросился к «Рафику». Дверь с треском захлопнулась.

В салоне было явное оживление. Климчук перестал тереть спину снятой гимнастёркой и удивленно смотрел в мою сторону. Лельченко столь же недоуменно чесал свою «почти лысину».

– Что там? – выкрикнули оба одновременно.

– Собака там, – сообщил я паническим голосом, – огромная, шевелится и пищит.

Володя и Николай Григорьевич переглянулись.

- Собака? Пищит? От ты ж, бисова душа, - пряча улыбку, изрек Лельченко.

К Володе вмиг вернулось его типичное настроение в стиле «шалтай-болтай».

- Огромный собакен? - переспросил он. - Баскервилей? Да еще пищит и дергается? С ума он там сошел что ли ?

- Не веришь, пойдй посмотри сам, - уже успокаиваясь, сердито сказал я.

- Григорьевич, нам нужна собака? - поинтересовался Володя.

- Пищащая и дохлая.

Лельченко прыскал в усы. Он поманил меня пальцем.

- Понимаешь, какое дело, Жень. Тут в городе собак и кошек - целый зверинец был. Когда людей увозили, брать домашних любимцев не разрешали. Остались они в городе. Собаки поели кошек и стали сбиваться в стаи. Даже на патрулей нападали. Вот всю живность и постреляли. А кто-то в суматохе, глядишь, и закрыл собачку в подъезде...

- Она там лапы и протянула с голодухи и радиации, - резюмировал Володя.

- Даа, а чего она шевелится и пищит? - я почти успокоился.

- Ну, если не врешь, то это может её крысы жрут, они же и пищат. Я так думаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/novikov_evgeniy/gor-kie-travy-chernobylya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)